

УДК 39(571.122)

DOI 10.37386/2413-4481-2021-4-110-118

В.В. Медведев

Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия

ИНДИГЕННЫЕ СООБЩЕСТВА И ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СУРГУТА: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье репрезентирован опыт исследования взаимодействия представителей индигенных сообществ и городского пространства на примере города Сургута Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Цель публикации – определение способов и практик демонстрации индигенными сообществами идентичности и маркеров этничности в городском пространстве. Методологическое фундирование представлено положениями герменевтического подхода как практики интерпретации и конструирования процессов. Проанализированный теоретический и эмпирический материал позволяет комплексное изучение акторов исследования.

Ключевые слова: индигенные сообщества, коренные народы, ханты, городское пространство, Сургут, этничность, идентичность.

V.V. Medvedev

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

INDIGENOUS SOCIETIES AND THE URBAN SPACE OF SURGUT: EXPERIENCE OF INTERACTION

The article presents the study of the interaction of indigenous society's representatives and the urban space on the example of the city of Surgut, Khanty-Mansi Autonomous District - Yugra. The purpose of the article is to determine the ways and practices of indigenous societies' identity demonstration and ethnicity markers in the urban space. Methodological rationale is represented by the provisions of the hermeneutical approach as a practice of interpreting and constructing processes. The analyzed theoretical and empirical material allows a complex study of the research actors.

Key words: indigenous societies, native peoples, Khanty, urban space, Surgut, ethnicity, identity.

Антропологические исследования городского пространства Сургута как средоточия экономического развития и социокультурной жизни Ханты-Мансийского автономного округа – Югры предоставляют возможность изучения не только этничности и культурной мозаики горожан [1, с. 105–111], но и представителей индигенных / коренных сообществ, сосредоточенных на территории близлежащих районов – Сургутского, Нижневартовского и Нефтеюганского.

Широко обсуждаемые среди зарубежных исследователей возможности «концепта индигенности» и процесса «индигенизации современности», например в публикациях Б. Карлсона, Дж. Клиффорда, Ф. Мерлана, М. Салинза, Дж. Фридмана, У. Ханнерца, допускают дискуссионные рассуждения о средствах и приемах концептуализации конкретными этническими группами собственного историко-культурного наследия, идентичности / идентичностей и самосознания. Другими словами, «пересечение антропологической теории и

индигенных практик в этом случае представляется очевидным» [2, с. 391]. Индигенные сообщества и культуры наших дней, как и ранее, находятся в объективе визуально-антропологических исследований [3, с. 1471–1493].

Своевременность ревизии понятийного инструментария, одновременно содержащего термины со схожей коннотацией – аборигенные / автохтонные / коренные и, наконец, индигенные народы, проанализирована и обоснована П.Б. Паршиным, закономерно подчеркивающим значение английского *indigenous peoples* и испанского *pueblos Indígenas* для научных изданий. Среди его аргументов справедливо утверждение о трактовке *indigenous* в русском языке в смысловом подтексте «здешний», «в-рождённый», «местный». По замыслу автора, «для русского языкового сознания его (*indigenous* – В. М.) внутренняя форма непрозрачна, что в данном случае является достоинством и в дальнейшем будет предпочтительно использоваться именно

выражение индигенные народы (за исключением цитат)» [4, с. 114–128].

Индигенные сообщества Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – ханты, манси и лесные ненцы. Для Сургута и упомянутых прилегающих районов – это ханты-горожане и ханты, имеющие домохозяйства на родовых угодьях, осуществляющие ведение хозяйства в соответствии с порядком землепользования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, закрепленных законодательно [5]. Однако ханты, ведущие подобный традиционный образ жизни, регулярно приезжают с родовых угодий в город и вполне интегрированы в его экономическую и социокультурную среду, а также происходящие урбанистические процессы.

С.А. Арутюновым объективно высказан довод об отсутствии некоего единого механизма адаптации малых этнических групп к новым условиям жизни, урбанизации, промышленному освоению территорий [6, с. 45]. Подобный концепт применим и в отношении индигенных сообществ округа. Технологии и модели приспособления и акклиматизации к трансформациям устоявшегося образа жизни могут быть самыми разнообразными и противоречивыми, охватывающими десятилетия. Например, дрейф ментальности, поведения, конструирование окружения, ориентированного на потребности коммуникации [7, с. 179]. В данном контексте достойным внимания является ответ на вопрос: «Каковы способы и практики демонстрации индигенными сообществами идентичности и маркеров этничности в городском пространстве?» Именно таким образом надлежит сформулировать цель данной статьи, позволяющей определить и обосновать взаимодействие ханты-горожан, ханты близлежащих родовых угодий и города Сургута как объекта антропологического изучения.

Ханты Югры демонстрируют положительную динамику численности. По материалам переписи 2010 года, в отношении общей совокупности населения они составляют 1,3 % [8, с. 47]. Компаративный анализ всесоюзных и всероссийских переписей населения второй половины XX – начала XXI столетия позволяет воссоздать на территории региона следующую картину: 1970 год – 12 222 чел., 1979 год – 11 219 чел., 1989 год – 11 892 чел., 2002 год – 17 128 чел., 2010 год – 19 068 чел. [9, л. 130; 10, с. 201].

При изучении распределения ханты, проживающих в сельской местности и городах, статистические материалы выявляют абсолютное преобладание сельского населения: 1970 год – 10 420 чел., 1979 год – 8 916 чел., 1989 год – 8 151 чел., 2002 год –

10 330 чел., 2010 год – 10 457 чел. Ханты-горожане округа: 1970 год – 1 802 чел., 1979 год – 2 303 чел., 1989 год – 3 741 чел., 2002 год – 6 798 чел., 2010 год – 8 611 чел. [10, с. 8–9]. По результатам переписи 2010 года, ханты Сургута – 632 чел. [10, с. 72]. Совокупность ханты-горожан от общего их количества соответствует 38,4 % [11, с. 110]. Число ханты, проживающих на территории вышеупомянутых районов, т. е. потенциальных участников взаимодействия с горожанами, итоги данной переписи распределили в следующем порядке: Сургутский район – 2 413 чел., Нижневартовский район – 1 985 чел., Нефтеюганский район – 360 чел. [10, с. 93, 98, 122]. Для сравнения – численность ханты по материалам Всероссийской переписи населения 2002 года: Сургутский район – 2 290 чел., Нижневартовский район – 1 621 чел., Нефтеюганский район – 199 чел. [12, л. 19].

Согласно сведениям Регионального аналитического центра и Реестра территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в субъекте зафиксированы 475 таковых локаций, именуемых иначе родовыми угодьями, т. е. местами проживания конкретного человека, семьи или находящиеся в общинном владении. Угодья представляют собой естественно-географическое пространство, в ландшафт которого вписаны пастбищные места, луга, леса, озера и реки. Это территории, где исторически осуществлялось ведение традиционной хозяйственной деятельности и формировались маркеры этнической культуры индигенных народов. Из беседы с ханты-горожанином: «Рыбачить, охотиться, собирать ягоды и грибы можно в угодьях. В каждой деревне – свои угодья. Например, у моих родственников угодья в деревне под названием Каюкова (поселение Сургутского района. – В. М.), угодье – Тыгейское. Среди знакомых мне угодий назову Тайлакские угодья у деревни Тайлакова (поселение Сургутского района. – В. М.), еще Тауровские у деревни Таурова (поселение Сургутского района. – В. М.)» [13].

Территории традиционного природопользования расположены в пределах пространства всего округа: Белоярский район – 34, Березовский район – 21, Кондинский район – 35, Нефтеюганский район – 33, Нижневартовский район – 133, Октябрьский район – 54, Советский район – 4, Сургутский район – 107, Ханты-Мансийский район – 54. Полноценная картина распределения родовых угодий на сопредельных с Сургутом районах такова: на 107 территориях традиционного природопользования Сургутского района зарегистрированы

2 101 чел., ханты – 1 980 чел., манси – 13 чел., ненцы – 31 чел., прочие – 77 чел. В Нижневартовском районе, как было отмечено, насчитывается 133 родовых угодья, на которых проживают 1 209 чел., ханты – 965 чел., манси – 1 чел., ненцы – 161 чел., прочие – 82 чел. Нефтеюганский район обеспечивает функционирование 33 территорий, населенных 312 жителями. В их числе ханты – 272 чел., манси – 7 чел., прочие – 33 чел. [14].

Кроме того, на сегодняшний день на территориях родовых угодий в разных районах округа официально зарегистрировано 92 объединения, осуществляющие традиционную хозяйственную деятельность индигенных народов. В Сургутском районе работают территориально-соседская община коренных малочисленных народов Севера «Наследники родной земли» / «Рахэм мэх мэхиях», семейно-родовая община коренного малочисленного народа ханты «Вут явын», общество с ограниченной ответственностью «Кантык-Ях», общины коренных малочисленных народов Севера «Яун-Ях» и «Негус-Ях». В Нижневартовском районе функционируют некоммерческая семейная (родовая) община коренного малочисленного народа ханты «Хунзи», семейная (родовая) община «Кылас», община коренного малочисленного народа ханты «Ма котэм» / «Мой дом», общины коренных малочисленных народов Севера «Верхне-Вахская», «Возрождение», «Сосновоборская», «Ганжеево», «Устье» и «Большой Ларьяк». Подобные организации находятся и на территории Нефтеюганского района – община коренных малочисленных народов Севера «Юрта» и сельскохозяйственный рыбоохотпромысловый производственный кооператив «Волна» [15].

Результаты хозяйственной деятельности ханты, как, впрочем, представителей и других индигенных народов, полученные с территорий личного и семейного традиционного природопользования либо путем совместных коллективных усилий в объединениях и общинах, ориентированы на запросы и спрос со стороны горожан Сургута как серьезного потребителя. Опыт подобного взаимодействия – индигенного населения и городских жителей – для антропологов и этнологов актуальная и заслуживающая штудирования тема. Так, степень коммерциализации хозяйственной деятельности ханты, адаптивные практики в условиях современного рынка, связи, построенные на принципах «базарных» взаимоотношений потребителя и продавца («коммерсанта-рыболова», поскольку сбыт рыбы традиционно является приоритетным в торговле), проанализированы и обобщены Е.П. Мартыновой [16, с. 119–130].

Изучение влияния города на коренные народы, вопросов их интеграции в новое пространство и создания конкретных стратегий адаптации, применимых на практике – вполне своевременная проблематика, позволяющая бросить свежий взгляд на процессы инкорпорирования представителей индигенных сообществ в городскую среду. Такой научный опыт демонстрирует публикация Л.Н. Хаховской «Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана» [17, с. 39–59]. Содержание работы анализирует динамику этничности и поведенческой культуры индигенного населения, проживающего в городских локациях Магаданской области. Автором выявлены и обоснованы технологии содействия и развития этничности коренных народов, практики историко-культурного наследия, отражен опыт коммуникации и взаимодействия с иноэтничным окружением.

Справедливо заметить, что работа Л.Н. Хаховской – одна из ряда статей, совместно опубликованных в специальном номере «Сибирских исторических исследований». Д.А. Функ во вступительном комментарии к теме делает акцент на трендах антропологических исследований и актуализирует изучение одного из ее наиболее востребованных разделов – антропологии города. Однако последующая ремарка об исключении городского пространства из профессионального поля зрения этнографами, изучающими индигенные сообщества («поскольку “традиционный образ жизни” в городах вряд ли возможен, и что “самобытная культура” априори не может здесь сохраняться, то и город не может быть местом их профессионального внимания»), подтверждает и обосновывает необходимость научного поиска в данном направлении [18, с. 8–14].

С позиции изучения антропологии города как исследовательского подразделения, укрепляющего академическую коллаборацию и междисциплинарность, а конкретнее «мультидисциплинарность, разнообразие методов и методологических подходов к изучению пространства города в историческом, социологическом, социокультурном, философском либо этническом контекстах» [19, с. 21–23], понимание опыта взаимодействия индигенных сообществ и горожан, их восприятия и повседневных практик в едином локусе видится не просто своевременным, а необходимым для анализа и конструирования модели межэтнических и кросс-культурных взаимодействий. Следует осознавать, что идентичность / идентичности горожан северных городов, как определяет их Д.Н. Замятин, «крайне подвижные, мобильные, все время трансформирующиеся и, в свою очередь, трансформиру-

ющие городские культурные ландшафты», и делать из этого соответствующее заключение [20, с. 221].

Историографическое описание проблемы содержит убедительное количество опубликованных материалов. Прежде всего, отметим, что тематика обсуждалась и является востребованной в рамках крупнейших отечественных антропологических и этнографических собраний – конгрессов этнографов и антропологов России, конгрессов антропологов и этнологов России. Например, на IX Конгрессе в Петрозаводске судьба индигенных народов и их апроприация городских территорий рассматривалась докладчиками секций «Историко-культурное наследие коренных народов Севера и Сибири: вызовы современности» и «Паттерны культуры меньшинств и культурное наследие современного российского / постсоветского города. Малые группы в этнографии», на заседании которой Д.А. Функ подчеркнул потенциал антропологии города для отечественного сибиреведения [21, с. 409].

В ходе X Конгресса, адресованного городской действительности «Современный город и социально-культурная модернизация России», аналогичные доклады и дискуссии прозвучали на разных заседаниях, но необходимо выделить работу секции «Городской образ жизни коренных малочисленных народов Севера: феномен и методы его анализа». В рамках изучаемого предмета внимания заслуживают сообщения М.А. Лапиной «Сохранение этических традиций хантов в условиях города», Т.В. Волдиной и С.Х. Хакназарова «Обские угры в столице Югры», Е.А. Пивневой «Город и традиция (по обско-угорским материалам)», демонстрирующие трансформацию этничности, стандартизацию и процессы коммерциализации традиционной культуры. Предстоящий в июле 2021 года XIV Конгресс антропологов и этнологов России аннотирует рассмотрение проблематики на секционных заседаниях «(Не)настоящее наследие: наследие, которое мы сохраняем, конструируем, практикуем», «Ресурсный экстрактивизм в антропологической перспективе», «Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции», «Север на границах: территории, культуры, идентичности» и другие.

В номерах ведущей российской этнографической и антропологической периодической печати тематика роста роли городов и их связь с индигенными сообществами – свежий предмет обсуждения. «Урбанизация и аборигенные культуры на циркумполярном Севере и в Сибири» – специальная тема номера «Этнографического обозрения», с дискуссией, развернувшейся вокруг масштабов урбанизации, типов городов и переселения в них коренных народов, развития индустриализации,

ее влияния на идентичности и культуру, вариативности сознания представителей индигенного населения в условиях городской среды, видоизменения социального конструкта и сакрального восприятия [22, с. 5–9].

Е.В. Лярской, анализирующей ханты и ненцев Ямала, очень точно подмечена связь традиционного уклада и городского ландшафта, отображающая, по сути, картину жизни всех индигенных сообществ современности. «И городские, и поселковые ненцы (и мужчины, и женщины, и дети) ездят к родственникам в тундру в гости: иногда на несколько дней, иногда на более продолжительное время (как на дачу), чтобы отвезти детей на лето, навестить родных, пособирать ягод или помочь» [23, с. 60]. Тождественный сценарий взаимоотношений наблюдается среди ханты-сургутян и ханты, проживающих в родовых угодьях, в рамках семьи и более широкого круга родственников. В интервью с М.В. Самсоновой, заведующей городской историко-культурной экспозицией «Дом коренных народов Севера», прозвучали по этому поводу ремарки: «Ханты города имеют крепкие связи со стойбищем...», «В городе и назовут себя ханты, но не афишируют. Другое дело в угодье – ходят в нашей одежде, разговаривают» [13].

Для ханты своеобразное «единство» городской жизни и пребывания в родовых угодьях – это не только дань традиции, но и экономический ресурс. На материале представителей коренных народов из числа горожан Ханты-Мансийска подобную модель проанализировала Т.В. Ткачева [24, с. 179–183]. Среди ханты-сургутян сюжеты аналогичны. Территории традиционного природопользования, проживающие на них родственники, семейные связи и экономическое подспорье в условиях осуществления хозяйственной деятельности в соответствии с нормами собраны воедино. Заметим, что такой подход характерен и для взрослого населения, и для молодежи, принимающей участие в делах семьи. Один из интервьюируемых – студент второго курса университета, у которого поездка на родовые угодья к деду на рыбалку или за дикоросами и дальнейшая их реализация вызывает большее чувство ответственности и осознания важности данного занятия, чем внеучебная деятельность в выходные дни или же препровождение времени в комфортных условиях городских клубов.

Граница городского и сельского у индигенного населения, по наблюдению Е.А. Пивневой, может быть проведена по уровню благосостояния и зажиточности. В таком случае «городские считаются лучше обеспеченными в материальном плане, что позволяет им оказывать помощь своим дере-

венским сородичам» [25, с. 119]. Для горожан из числа коренных народов территории традиционного природопользования еще и символизируют особые «места памяти» с сакральным подтекстом [26, с. 27–28]. При этом не стоит забывать о проникновении городского ритма и стиля жизни не только в собственных жителей, но и, согласно П. Швайцеру, о наличии многих оснований того, что «сельский образ жизни подвергся урбанизации: заимствовал ценности, модели поведения и технологии» [27, с. 18].

Видоизменение и вариативность в сознании, в нормах культуры, в самоидентификации представителей индигенных сообществ, как и других народов, в условиях города – явление распространенное. Данному вопросу посвящена публикация В.И. Терентьева, оценивающая содержание идентичности номадов Монголии в городском пространстве [28, с. 141–149]. Сравнительный контекст изучения традиционных форм культуры, бытующих по общепринятому суждению в сельской местности, тем более у индигенного населения, и повседневных / сакральных практик горожан из числа коренных народов, а также их личного отношения к такому образу жизни, наличие иных социокультурных и экономических рамок – перспективная возможность «детализировать полученную картину» [29, с. 43]. Уточнить, объяснить и понять, какова же конкретная этническая группа в наши дни, проживающая на разных по содержанию и масштабам территориях, активно интегрированная или, наоборот, изолированная от иных сообществ, позволяет полноценный качественный анализ, т. е. всего и всех, связанных с актором исследования.

Город – противоречив. На одной странице монографии два таких справедливых и противоположных утверждения: «города приобщают к современности, которая может воспроизводить с помощью современных технологий любую культурную, этническую идентичность», и «города прерывают связь с малой этничностью, смена поколений ведет к утрате языка, культуры, традиций и обычаев, являвшихся частью повседневных кочевых или оседлых жизненных практик» [30, с. 118]. Де-факто северный город – пространство, требующее постижения и осмысления всех своих компонентов, в том числе осознания непрерывности существования индигенных групп, исторически связанных с этими территориями. Вопрос выбора локации – родовое угодье или же городская квартира, это вопрос личный, иногда и семейный, но не означающий сиюминутное отрицание этничности и замену сознания. Так, в квартире предметы сакрального предназначения ханты могут окуривать

уже над газовой плитой, отождествленной с огнем и очагом [31, с. 85]. Безусловно, непосвященному наблюдателю действие покажется диковинным, но для соплеменника либо этнографа-специалиста происходящее вполне очевидно – формы изменены, в данном случае использование газовой плиты, а обрядовое содержание – нерушимо. Е.А. Пивнева цитирует эпизод рассуждения информатора-горожанина из Ханты-Мансийска: «Как это мы не КМНС (коренные малочисленные народы Севера. – В. М.), а кто же мы тогда?» [11, с. 112]. Данное высказывание – публичная демонстрация собственной идентичности и самосознания конкретного представителя индигенного населения Югры.

Стремление обозначить себя в социуме и не всегда в привычном городском пространстве отчетливо прослеживается среди ханты, приезжающих с родовых угодий по делам в Сургут – погостить к родственникам, посетить поликлинику или в коммерческих целях. В этом случае ханты неизменно надевают традиционную одежду, справедливее заметить, созданный в соответствии с собственными представлениями современный «народный» костюм. Для женщин, девушек и девочек это является нормой, исключением служит верхняя одежда в непогоду весной-осенью. Мужчины, парни и мальчики в теплое время года носят повседневный городской наряд. В зимний период верхняя одежда максимально приспособлена к суровым северным условиям и соответствует традициям изготовления из оленьего меха мужских малиц, распашных женских шуб и обуви. Подобная форма публичного маркирования этничности и самоидентификации в городском ландшафте позволяет ханты успешно реализовывать разнообразную продукцию, привлекая к себе внимание и осуществляя своеобразный маркетинговый ход.

Традиционными хозяйственными занятиями коренных народов Югры являются охота, оленеводство, рыболовство, сбор дикорастущих, а среди народных промыслов – изготовление меховой одежды, обуви и художественных изделий из дерева, бересты, кости, рога [32, с. 29, 77]. Род деятельности и времена года регламентируют набор товаров, предлагаемых ханты сургутянам. Из рассказа информатора: «Торговля-то? Летом и осенью – брусника, клюква, морошка. Зимой идет забой оленя, значит, оленина. Рыбу продаем – щуку там, язя, карася. Летом свежую, а по зиме мороженную» [13].

В зимнее время ханты реализуют оленину и замороженную рыбу разных пород. Летом и осенью на продажу идут ягоды – брусника, клюква, черника, морошка, голубика (см. рис. 1). «За морошкой

едут в начале лета, смородина, черника, голубика собирается в середине, в июле – начале августа. Брусника и клюква уже к концу лета – началу осени» [13]. Сезонной также является торговля грибами (август – начало сентября) и кедровыми орехами: «Когда шишки ореха созревают, они начинают падать на землю или же специально стучат по дереву, чтобы шишки начали падать. Затем шишки перебирают. Выбирают хорошие, некоторые могут быть и гнилыми, чистят их, вытаскивают орехи. Работенка не очень приятная, шишки-то в смоле!» [13]. С весны по осень – время реализации свежей рыбы. Ханты привозят с родовых угодий щуку, окуня, язя, карася, а также более ценные породы – осетра, нельму, муксуна. Дополняет перечень предметов торговли продажа сувенирных изделий из древесины, бересты, бисера, кожи, кости. Сбывают свои товары ханты в нескольких неофициальных рыночных местах, возникающих стихийно и отвечающих локальным / районным запросам горожан. Например, окрестности остановки общественного транспорта «ГКДЦ “Строитель”» и расположенного здесь торгового комплекса, окружи остановки «Магазин “Восход”» и «УБР», пешеходная зона проспекта Ленина в районе транспортного кольца «проспект Ленина – улица Островского» вблизи памятника основателям Сургута.

Ситуационной публичной демонстрацией одного из стержневых компонентов хозяйственной деятельности ханты – оленеводства – являются новогодние праздники (см. рис. 2). С близлежащих родовых угодий ханты, по договоренности с городской администрацией, привозят в Сургут оленьи упряжки и нарты, организуют катания горожан, что помимо коммерческой составляющей необходимо рассматривать и как маркирующее этничность действие. Занятие оленеводством для современных ханты – «особый маркер» собственной идентичности и в бытовом сознании, и на публичном уровне [33, с. 10].

В период становления этничности обско-угорского индигенного сообщества благодаря усилиям общественных деятелей и лидеров из числа коренных народов занятие оленеводством вновь стало престижным и экономически удобным, поскольку предоставило рабочие места в условиях безработицы и материальную стабильность. Подъем оленеводческих хозяйств округа происходил в 1990-х – начале 2000-х годов [34, с. 366]. В наши дни оленеводство как форма деятельности ханты поддерживается муниципальными и окружными органами власти, а число голов в стадах увеличивается. Так, в Сургутском районе в 230 оленеводческих хозяйствах поголовье оленей в разное время

составляло 9 295 голов в 2015 году, 10 048 голов – в 2016 году, 9 812 голов – в 2017 году [35, с. 182].

Центром историко-культурного наследия *indigenous peoples* Сургута считается «Дом коренных народов Севера» в структуре городского комплекса «Старый Сургут». Проект реконструирует элементы этнической культуры и празднично-обрядовые традиции обско-угорских народов. Деятельность подобных учреждений на территории округа содержательно обобщена Е.А. Пивневой: «Трансляция и потребление этнической культуры в городских условиях происходят в основном через посредничество сети культурных учреждений: музеев, театров, библиотек, всевозможных сценических площадок, учебных заведений, теле- и радиопередач и пр. Но это не просто деятельность по сохранению этнокультурной аутентичности. По своему смыслу она представляет собой практику встраивания элементов традиционной этнической культуры в контекст современности, придания ей современных форм, во многом благодаря информационным технологиям» [36, с. 489].

«Дом коренных народов Севера» предлагает вниманию своих гостей экспозицию «Быт и традиции угорских народов», содержащую предметы традиционной культуры ханты и манси. Например, костюм, вышивка, хозяйственная утварь, изделия из бересты, бисера и т. д. Музейная площадка содержит реконструкцию чума, хлебной печи, лабаза. Посетители могут принять участие в экскурсионных программах «Мир Севера», познакомившись с играми ханты и манси, «В гости к ханты» – изучение древней культуры индигенных сообществ Югры, «Северная мозаика» – просмотр и обсуждение тематических визуально-антропологических материалов, «Узорчатый туюсок» – серия мастер-классов, приобщающих к промыслам коренных народов [37].

Центр поддерживает и развивает фольклорное наследие индигенного населения. Здесь организованы ансамбль «Аснэ» / «Обская женщина» и детский коллектив «Луима ханса» / «Северные узоры». В этом направлении установлены крепкие связи с фольклорными группами Сургутского района, но в последние годы материальные трудности, вопросы транспорта, а в наши дни сложная эпидемиологическая обстановка в результате COVID-19 приводят к ослаблению и разрыву отношений. Из всех крупных праздников, организуемых музейными сотрудниками («Нарождение луны», «Вороний день», «День обласа», «Международный день коренных народов мира»), только «День обласа» сохраняет свою привлекательность для ханты и манси Сургута, а также зрителей и участников из Сур-

гутского, Нижневартовского и Нефтеюганского районов (см. рис. 3). Проводимый на берегу реки Саймы «День обласа» воспринимается участниками не только в качестве традиционного праздника, но и служит подготовительным этапом к более серьезным соревнованиям на обласах, имеющим хороший призовой фонд.

Разные культурно-просветительские объединения города периодически обращаются к тематике этнографии и искусства, связанной с индигенными народами. Например, «Сургутский краеведческий музей» – выставки «Люди большой воды» и «Небесный всадник», фотовыставка «Божьей реки народ». «Сургутский художественный музей» – виртуальная выставка «Югра. Территория мифов», выставка «Возвращение в Ях», фотовыставка «Миф о Мифе». Экспозиции галереи современного искусства «Стерх» предлагают своим посетителям сегодняшнее прочтение Югры – день музеев «Обское дикое барокко», выставки «Югра и ее обитатели. Новая картография» и «Югорская мозаика».

Таким образом, представители современных индигенных сообществ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, проживающие на территориях Сургутского, Нижневартовского и Нефтеюганского районов, включены в систему жизненных процессов городского пространства Сургута. Антропологическое включенное наблюдение и работа «в поле» с информаторами, избранные как наиболее результативные приемы в рамках предложенной методологической парадигмы, позволили определить механизмы адаптации и нормы поведенческой культуры коренных народов в условиях города. Процессы кросс-культурного взаимодействия ханты и горожан, а в более широком контексте – ханты и города Сургута как объекта антропологического исследования, стоит проецировать на все городские локации Югры, поскольку технологии и стратегии коммуникации тождественны. Изучение опыта подобных взаимоотношений позволит корректировать существующие противоречия «коренного» и «пришлого» населения, объективно разрешать спорные ситуации в отношении территорий традиционного природопользования индигенных сообществ, преодолеть стереотипность сознания городских жителей к жизни ханты на родовых угодьях. Последующие исследования этнических групп и трансформаций их идентичности в городском пространстве предоставят возможность конструирования единой модели межэтнического и кросс-культурного взаимодействия, определяющей содержание северного города.



Рис. 1. Сентябрь: продажа брусники, ХМАО – Югра, г. Сургут, 2020 г., фото В.В. Медведева

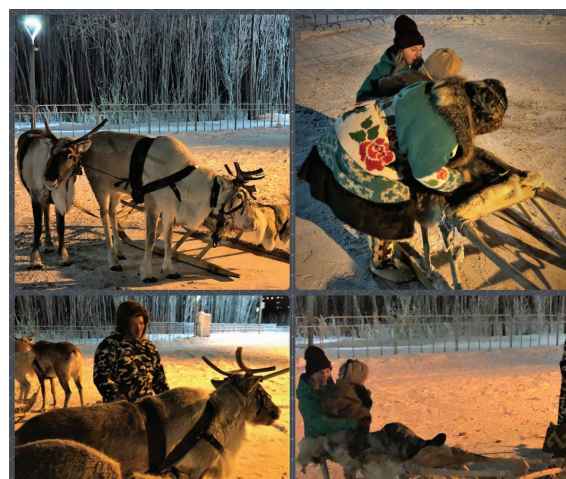


Рис. 2. Новогодние праздники: катание на оленьей упряжке, ХМАО – Югра, г. Сургут, 2021 г., фото В.В. Медведева



Рис. 3. На реке Сайме: День обласа, ХМАО – Югра, г. Сургут, 2015 г.¹

¹ Источник: историко-культурный центр «Старый Сургут». URL: <https://stariy-surgut.ru/fotogalereya/natsionalnyy-prazdnik-den-oblasa/> (дата обращения: 07.07.2021).

Библиографический список

1. Медведев В. В., Малахова Л. П. Этническая идентичность в пространстве северного города: повседневные практики современности // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 3 (44). С. 105–111.
2. Куропятник М. С. Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2019. Т. 19, № 3. С. 387–396.
3. Ilbeykina M. I. Indigenous peoples as a research space of visual Anthropology // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2014. Т. 7, № 9. С. 1471–1493.
4. Паршин П. Б. Взаимодействие коренных народов с окружающим миром: принцип свободного, предварительного и осознанного согласия // Международная аналитика. 2019. № 1–2 (27). С. 114–128.
5. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 28 декабря 2006 года №145-оз (с изм. на 26 марта 2020 года). URL: <http://docs2.cntd.ru/document/446491896> (дата обращения: 07.07.2021).
6. Арутюнов С. А. Этничность, сходящая на нет // Вестник антропологии. 2017. № 1 (37). С. 41–62.
7. Мартынова Е. П. Метаморфозы этничности обских угров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 176–183.
8. Краткие окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре: статистическое издание. Ханты-Мансийск: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, 2012. 58 с.
9. 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (информационно-аналитический сборник // Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ГА ХМАО – Югры). Ф. 6. Оп. 1. Д. 932.
10. Итоги Всероссийской переписи населения – 2010: статистический сборник: в 10 ч. Ч 3. Т. 2. Национальный состав и гражданство населения в Тюменской области. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Ямало-Ненецкий автономный округ. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2013. 238 с.
11. Пивнева Е. А. Коренные малочисленные народы Севера в поликультурном пространстве Западной Сибири: к проблеме этнической идентификации // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 68. С. 109–115.
12. Годовой статистический сборник: Ханты-Мансийский автономный округ в цифрах // ГА ХМАО – Югры. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1371.
13. Полевой материал автора. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут. 2020.
14. Информационный материал «Демографическая ситуация в среде коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». URL: [kmns2019.pdf \(gasugra.ru\)](http://kmns2019.pdf(gasugra.ru)) (дата обращения: 07.07.2021).
15. Реестр организаций, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. URL: <https://deprirod.admhmao.ru/deyatelnost/traditsionnoe-khozyaystvovanie-kmns/114048/spisok-organizatsiy-osushchestvlyayushchikh-traditsionnoe-khozyaystvovanie-i-zanimayushchikhsya-prom> (дата обращения: 07.07.2021).
16. Мартынова Е. П. Традиционные отрасли хозяйства обских угров: современные адаптивные стратегии в рыночной экономике // Вестник угроведения. 2017. Т. 7, №. 4. С. 119–130.
17. Хаховская Л. Н. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 39–59.
18. Функ Д. А. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 8–14.
19. Медведев В. В. Ногайцы Сургута: этничность в пространстве северного города // Вестник Таджикского национального университета. 2020. № 7. С. 21–29.
20. Замятин Д. Н. Постурбанизм и холод: геокультурные образы и репрезентации культурных ландшафтов северных и арктических городов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 218–227.
21. Функ Д. А. Дискурсы наследия и идентичности в городской сибирской аборигенной среде // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 409.
22. Поворознюк О. А., Функ Д. А. Урбанизация и коренные народы Севера: введение к теме номера // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 5–9.
23. Лярская Е. В. «Кому-то тоже надо и в городе жить...»: некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 54–70.
24. Ткачева Т. В. Изменение жизненного пространства обских угров в условиях городской среды // Языки и культура народов Арктики как полиэтничного региона в условиях глобализации: сборник материалов I Международной научно-практической конференции. Ханты-Мансийск: ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», Гуманитарный институт, Югорская научная школа региональных лингвистических исследований, 2018. С. 179–183.

25. Пивнева Е. А. «Но дискомфорт мы все-таки ощущаем»: обские угры в процессах социокультурной адаптации к условиям города // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 4. С. 104–129.
26. Поворознюк О. А. Городские аборигены БАМа: индустриальный бум, техносоциальные сети и борьба за ресурсы // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 23–41.
27. Швайцер П. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на канадском Севере // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 10–22.
28. Терентьев В. И. Городская идентичность современных монгольских кочевников // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 3 (36). С. 141–149.
29. Рутткаи-Миклиан Э. Модернизация табу: вопросы «чистоты» в городской среде (на примере сынских хантов) // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 42–53.
30. Российская Арктика в поисках интегральной идентичности. М.: Новый хронограф, 2016. 208 с.
31. Лапина М. А. Этика и этикет хантов. Томск; Екатеринбург: Баско, 2008. 120 с.
32. Косиков И. Г., Косикова Л. С. Ханты-Мансийский автономный округ. Модель этнологического мониторинга. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии РАН, 1998. 136 с.
33. Заика А. В., Исаева Т. А. Божьей реки народ. Екатеринбург; Сургут: Караван, 2017. 96 с.
34. Мартынова Е. П. Обско-угорская этническая мобилизация // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 2. С. 363–372.
35. Главан А. А. Этнолингвистическая экспедиция в Сургутский район ХМАО – Югры в марте 2017 г. // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 181–188.
36. Пивнева Е. А. «Коренная Югра» в контекстах современной истории // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях). М.; Ханты-Мансийск: Проект «Академическая история Югры». 2020. С. 476–491.
37. Дом коренных народов Севера. URL: <https://stariy-surgut.ru/ekspozitsii-i-vystavki/dom-korennykh-narodov-severa/> (дата обращения: 07.07.2021).